

Религиоведение. 2023. № 2. С. 103–110.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 2. P. 103–110.

DOI: 10.22250/20728662_2023_2_103

Наурызбаева З.Ж.

Сайт казахской мифологии и культуры *Otuken.kz*
010009, Казахстан, г. Астана, ул. Мустафина, 7/2
zira-n@yandex.ru, otukenkz@gmail.com

Котёл в ритуальных практиках и традиционных верованиях казахов

Аннотация. Статья посвящена реконструкции ранее не рассматривавшегося аспекта символизма котла в казахской традиционной культуре. Обычно котёл рассматривается как символ достатка и благополучия, символ отдельной семьи, а также единства человеческого коллектива и мира, но в ходе анализа обрядов и фольклорных материалов, связанных с котлом, был выделен ранее не раскрывавшийся аспект символизма котла у казахов. Автор статьи приходит к следующим результатам. Сакральность котла, зафиксированная у скифов, гуннов, тюркешей, кипчаков в определённой степени сохранилась у современных казахов, она проявляется не только в семейном быту, но и в разных сферах общественной жизни. Котёл у казахов занимал особое место в ритуалах, связанных с родами и со смертью. Также в обрядах, связанных с браком, можно вычленивать триаду «мужчина – его жена – его котёл». Эту связь автор объясняет путём реконструкции забытого мифологического образа казана. Поскольку котёл как сосуд для приготовления пищи является символом женского, материнского начала, на символическом уровне он может выступать в качестве «супруги» мужчины и «матери» ребенка. Ритуалы и манипуляции с котлом во время родов и после них, возможно, были нацелены на активизацию женского, материнского начала, олицетворяемого котлом, с целью облегчить роды и защитить новорождённого. Результаты исследования важны для понимания истории древних культов тюркских народов, особенностей их проявления в современной культуре народа, несколько веков назад принявшего ислам.

Ключевые слова: казахи, тюрки, древние культы, Великая мать, котёл, обряды, традиционные верования

Zira Zh. Naurzbayeva

Otuken.kz, site of Kazakh mythology and culture
7/2 Mustafin str., Astana, 010009, Kazakhstan
zira-n@yandex.ru, otukenkz@gmail.com

Cauldron in the Ritual Practices and Traditional Beliefs of Kazakhs

Abstract. The article reconstructs the neglected aspect of the cauldron's symbolism in the traditional Kazakh culture. Usually, the cauldron is considered a symbol of wealth and prosperity of an individual family and humanity's unity. However, in the course of the analysis of rituals and folklore materials related to the cauldron, the neglected aspect of Kazakh's symbolism of the cauldron was defined. The author concluded the following results. The sacredness of the cauldron is fixed among the Scythians, Huns, Turgeshs, and Kipchaks. To some extent, the sacredness is preserved among Kazakhs not only in terms of family life but also in different spheres of social life. The cauldron for Kazakhs played a special role in rituals related to childbirth and death. Also, the triad "man – his wife – his cauldron" can be derived from the rituals related to marriage. The author explains this relationship using the reconstruction of the forgotten mythological image of the cauldron. As a pot for cooking, the cauldron is a symbol of the feminine and maternal principle. It plays a role of a "wife" to a husband and a "mother" to a child. Perhaps, rituals and manipulations with the cauldron during and after childbirth aimed at the activation of feminine and maternal principles symbolized by the cauldron to ease childbirth and protect a child. The result of the study is important for understanding the history of ancient cults of the Turkic people and the features of their display in the modern culture of the nation which converted to Islam several centuries ago.

Key words: Kazakhs, Turks, ancient cults, the Great Mother, cauldron, rituals, traditional beliefs

Постановка проблемы

Котёл (каз. *қазан*) – это главный предмет кухонной утвари у тюрко-монгольских кочевников, сохраняющий сакральный статус в традиционной среде. Почти вся пища у казахов проходила тепловую обработку в казане: в нём варили, жарили, тушили, выпаривали и т.д. Исходя из этого, понятен символизм котла, связанный с сытостью, благополучием, процветанием, единством семьи и рода. Котлы играли и играют важную роль в коллективных обрядах, включающих жертвоприношение животного, совместное ритуальное угощение его мясом, поэтому казан символизирует у казахов, шире, тюрков, единство человеческого коллектива, мир в целом. В обычной жизни казахи негативно относились к участию мужчин в кухонных делах. Мужчины готовили только во время походов или охоты, а также во время больших собраний народа. Приготовление пищи у казахов ассоциируется с женским трудом, с женской сферой культуры. Но в средневековых кипчакских захоронениях котёл является атрибутом могилы мужчины-воина, а не женщины. В казахской этнографии котёл также часто связывается с мужчиной, прослеживается триада: мужчина, его жена и его котёл. Котёл не включается в состав приданого невесты, его женившемуся и отделяющемуся от большой семьи сыну обеспечивает отец. Важную роль котёл играет в родильной практике. Как можно объяснить эти аспекты символизма казана?

Цель статьи: реконструировать более древние, мифологические пласты символизма котла в казахской традиционной культуре, позволяющие объяснить символическую связь мужчины и предмета кухонной утвари.

В исследовании применяется классический структурно-семиотический анализ. В качестве источниковой базы используются труды по этнографии, мифологии и истории казахов, а также сборники казахского фольклора, устные сведения.

Новизна исследования заключается в интерпретации связанных с котлом традиционных верований и обрядов казахов и их предшественников – тюрко-кочевников Евразии – через мифологический архетип Великой Матери. Казахи как этнос сформировались в XV веке, их предки задолго до этого приняли ислам. Однако древнейшие доисламские верования продолжают актуализироваться в устном творчестве, они востребованы в общественной жизни, в искусстве и в аналитической психологии.

Актуальность символики котла в современном обществе

Котёл – главный сосуд для приготовления пищи у казахов. Поэтому выражения «*қазан көтеру*» (букв. «поднимать казан»), «*қазан асу*» (букв. «подвешивать казан») и сейчас имеют значение «готовить горячую пищу, варить мясо» [Казан, <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/%D2%9B%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD/>]. Малый казан подвешивается к треножнику «*мосы*», а большой – устанавливается на треножник «*таган*», «*үштаган*» (ср. слово «*таган*» с «*тақ*» – трон). Часть немногих продолжающих существовать по сей день обязательных табу традиционной культуры имеет отношение к котлу. Нельзя хранить казан пустым, после мытья в него надо добавить хотя бы ложку масла, нельзя пинать, толкать (сдвигать) ногой стоящий на земле (на полу) котёл, нельзя хранить котёл перевернутым.

Первые два табу достаточно очевидны, их смысл определяется символизмом казана как источника достатка и благополучия. «*Қазан шайқалса, ырыс шамданады*» – «Казан покачнется – достаток (удача, процветание) оскорбится». Ещё одно табу – запрет переворачивать котёл – определяется не только страхом потерять достаток, но и обычаем оставлять перевернутый казан на могиле человека, у которого не осталось наследников, потомства. Перевернуть чей-то казан – это проклятие, пожелание остаться без потомства. Такое могли совершить в ходе войны, после разгрома поселения заклятого врага.

Сакральное значение котла проявляется до сих пор не только в быту, но и общественном сознании, в религиозной практике, в искусстве и даже в политике. Центральный зал главного сакрального места казахов – мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане, выполнявшего одновременно функцию пантеона, государственного, религиозного и образовательного центра, библиотеки и т.п. – имеет высоту 39 м и называется «*қазандық*», т.е. помещение для котла. В нём был установлен

ритуальный *тайказан* (букв. «котёл, в котором может плавать стригунок»). Отлитый по приказу Амира Тимура в 1399 году из сплава семи металлов, украшенный орнаментом и куфическим письмом котёл вмещает до трёх тонн воды, его собственный вес – около 2 тонн. Вокруг казана были закреплены 10 копий, символизирующих единство создавших казахский этнос племён (по другой версии, десяти учеников Ходжа Ахмеда). Тайказан был вывезен в Ленинград в 1935 для выставки и оставлен в Эрмитаже. Усилиями энтузиастов и государственных органов он был возвращён на место в 1989 году. До сих пор это возвращение тайказана на родину воспринимается как одно из значимых событий, символизовавших будущую независимость страны. В 2019 году «в Туркестане открылась выставка «Возвращенные экспонаты» в честь 620-летия отлития священного Тайказана и 30-летия его возвращения на историческое место» [Казинформ, 2019].

В 2016 году на фестивале Astana Art Fest была выставлена работа известного современного художника Асхата Ахмедьярова «Әжеңнің көзі» («Память твоей бабушки»). Казаны, скреплённые попарно в виде сфер и нанизанные на веревку наподобие огромных бус, были разложены на центральном бульваре столицы. Первоначально инсталляция вызвала благожелательный интерес зрителей. Но затем популярная в ориентирующей на традиционные ценности среде блогерша Айгуль Орынбек опубликовала в ФБ пост, обвинив художника в кощунстве и призвав руководство города «принять меры», чтобы *перевёрнутые казаны* не навлекли беду на столицу. Пост получил тысячи лайков и 1300 перепостов, что для казахстанского ФБ очень значимая статистика. Автор инсталляции в интервью В. Дергачеву объяснил ситуацию: «До того момента, пока казаны транспортировались в мастерскую, возможно, на подсознательном уровне, они были для меня такими же сакральными предметами, как для моих критиков. Дальше, принявшись за монтаж инсталляции, я как-то позабыл о том, что это посуда, к тому же ещё и культовая. Теперь они стали объектом самовыражения. Я их сверлил, переворачивал, прикручивал болтами к друг другу, опирался о казан ногой. Не скрою, что в такие минуты одна моя часть, в которой остались ещё предрассудки и суеверия, держала за ворот вторую – созидательную» [Дергачев, 2016].

Художница Гаухар Киекбаева поддержала коллегу в открытом письме: «Асхат, привет. Казан всегда был сакральным для казахов. Казаны у тебя не перевёрнуты, как многие с ужасом говорили, и не несут проклятия. Они соединены, скреплены с друг другом... Ажека моя в детстве всегда ругала невесток, когда те после трапезы мыли и переворачивали казан. «*Жаман болады, кайғы шақырма...*» («Не навлекай беду»). В твоём проекте я увидела сознательное или интуитивное предостережение. Что нельзя забывать свои корни, обычаи. Нельзя терять землю, сила в единении...» [Там же].

В личных беседах от казахов полуострова Мангыстау, где в большей мере сохранились традиционные устои, приходилось слышать, что в 2011 года бастующих нефтяников города Жанаозен земляки массово поддержали лишь после того, как силовики опрокинули котёл с мясом жертвенного барана, который был установлен на городской площади забастовщиками. На Мангыстау, который в течение нескольких веков был фронтиром борьбы с калмыками, затем с туркменами и Российской империей, до сих пор рассказываются легенды о том, как в военное лихолетье победитель, захвативший поселение, мог демонстративно перевернуть казан в разгромленном ауле. Силовики – осознанно или неосознанно – повели себя как заклятые враги.

Сакральное значение котла в истории Великой степи

Кульк котла, который остаётся в определённой мере актуальным у казахов в XXI веке, у обитателей Великой степи отмечается историками на всём протяжении истории. Геродот передаёт рассказ о скифском царе Арианте, который приказал каждому скифу принести по наконечнику стрелы, чтобы узнать численность своего войска. Из этих наконечников он повелел отлить огромный медный котёл объемом 600 амфор, т.е. от трёх тысяч литров и более [Геродот, 1972, 81].

С.А. Плетнева описывает бронзовые литые гуннские котлы, украшенные геометрическим орнаментом. «Готовить пищу в таких котлах вряд ли целесообразно.

Они слишком красивы и дороги для утилитарного использования. Скорее всего, эти котлы несли смысловую нагрузку, а именно были «символами единства»... Очевидно, каждый кошевой обязан был как символом власти обладать котлом. Интересен и тот факт, что много позднее, в XII и XIII веках, котелки (казанки), кованные из медных пластин, попадались в половецких погребениях богатых воинов... Своеобразные гуннские котлы являются наиболее выразительной «этнографической» чертой гуннского сообщества, по которой мы можем судить о его распространении в европейской степи и лесостепи» [Плетнева, 1982, 22–23]. Отметим, что котлы встречаются в мужских захоронениях, а не женских. Атрибутами женских захоронений того периода чаще являются зеркало и гребень. Во времена Тюркешского каганата на одной стороне монеты изображался котёл/сосуд в разрезе, на другой – была выбита надпись «Фарн Божественной Халашской Орды» [Зуев, 1998, 112].

Дж. Уэзерфорд, описывая церемонию избрания Чингис-хана, отмечает: «Большие железные котлы приходилось привозить издалека на гужах, запряженных волами и яками. Это были самые большие металлические предметы на Монгольском плато, некоторые из них были достаточны, чтобы сварить быка или лошадь целиком. Каждый был сокровищем, и собранные вместе они не только давали средства для приготовления пищи тысячам, но и представляли собой впечатляющую демонстрацию богатства и организации, необходимых для их изготовления и перемещения» [Уэзерфорд, 2010].

Котёл остается символом мира и единства рода, племени, народа и у казахов. «*Бір қазаннан ас ішу*» (есть пишу из одного котла), т.е. участвовать в общей трапезе, обязывает и простых людей, и вождей к взаимному важению, поддержке, сотрудничеству. Тот, кто нарушит это обязательство, будет «проклят едой, казаном». О человеке, разжигающем рознь, говорят «*Бір үйге екі қазан астырған*» (побудивший в одном доме варить пишу в двух казанах) [Қазақтың-3, 362]. По мнению исследователя мифологии С. Кондыбая, этимология топонимов, таких как Казань, связана именно с огромными котлами, в которых можно сварить мясо целой лошади, которые использовались для ритуальных угощений и символизировали общность, единство рода, народа, священный центр мира [Кондыбай, 2005, 161].

Котёл в брачной символике в традиционном казахском обществе

Казалось бы, котёл, как кухонная принадлежность, должен был включаться в приданое невесты. Но это не так. Невесте не давали котёл в приданое, потому что считалось, что с ним в чужой род может уйти благополучие и процветание. Более того, у девочки в родительской семье были ограничения в связи с казаном. Например, нежелательным считалось, если девочка скребёт и ест прикипевшее к дну казана молоко «каспақ» – традиционное лакомство казахских детей.

Женатый мужчина получал от отца котёл, когда ему выделялась доля имущества для самостоятельной жизни (*ениші беру*). Отец, который женил сына и выделил ему «*ениші*», желая подчеркнуть, что полностью выполнил отцовский долг, говорил: «*Қойнына қатын салып, бауырына қазан орнаттым*» (букв. «В объятия (букв. за пазуху) положил ему жену, а рядом установил казан») [Қазақтың этнографиялық категориялар, 2012, 361]. Казан отец «устанавливает» не просто рядом, а букв. «*бауырына*» – «у печени», которая символизирует идею родства. Котёл в речи обычно упоминается в связи с очагом: «казан-ошак», и владение собственным котлом – главная характеристика самостоятельной супружеской пары. О выделении молодой семьи от родительской говорят: «*қазан-ошағын бөлектеу*» – «отделить очаг-котёл». Казахская пословица гласит: «*Қазаны бөлектің қайғысы бөлек*» (У того, кто имеет отдельный котёл, и горе своё). Котёл нельзя терять и ломать, его не оставляют на ночь за порогом дома, его не дарят и не отдают. Если котёл заимствуется для проведения пиршества, обратно его возвращают с небольшим количеством угощения на дне, «чтобы семья не лишилась достатка».

В этнографической энциклопедии со ссылкой на В.В. Радлова в связи с казаном приводится исторический пример из центрального Казахстана. Хан Абылай (XVIII в.) вступил в конфликт с самым близким ему казахским племенем аргын (поводом для этого стала смерть человека по имени Ботакан), и ему пришлось бежать

из ставки. Три дневных перехода аргынский отряд преследовал хана. Старшая жена Абылая сказала мужу: «Они будут нас преследовать до тех пор, пока не получат твою голову, меня или твой чёрный казан». На стоянке они оставили казан с варящимся мясом и поехали дальше. Возглавлявший аргынов Казыбек би увидев казан, воткнул в землю рядом с казаном свое копьё и остановил погоню. Он, затем – его сын и внук, пользовались этим казаном, до тех пор пока сын Абылая от калмыцкой жены Шама не выменял у внука Казыбека отцовский казан на чёрного верблюда, покрытого чёрным ковром (обязательный компонент *қун* – штрафа за убийство). Объясняется этот эпизод как возвращение в род унаследованного от предков достатка, как пример своего рода «казанного права» [Қазақтың этнографиялық категориялар, 2012, 363]. В этом эпизоде налицо та же триада, что и при выделении доли-енші женатого сына: мужчина, его жена и его казан.

Почему, когда речь идет о женатом мужчине, в паре с женой упоминается казан? В XIX веке поэт и один из руководителей восстания в западном Казахстане Махамбет о цели восстания выразился так: «Қара қазан, сары бала қам үшін қылыш серместік» – «Мы бились на саблях ради чёрного казана и светлых детей» [Ай, заман-ай, 1987, 384], т.е. казан и здесь является символом семьи, а возможно – и жены. Казан называется «қара» (чёрный) не только потому, что он закопчён. Слово «қара» имеет значение «чёрный», но вместе с тем ещё и «огромный, древний, священный». «Қара қазан» – священный казан.

Котёл является таким же сакральным символом семьи, как и купол юрты – шанырақ. Если остов юрты молодожёнов и её войлочное покрытие включалось в приданое невесты, то шанырақ, как и казан, дарился молодой семье родом жениха. При перекочёвке шанырақ и казан грузились на возглавляющего кочевье верблюда. *Шаңырақ* также нельзя переворачивать, и он также мог оставаться на могиле последнего представителя рода в знак прерывания преемственности. Ещё один обычай, связывающий шанырақ и котёл, называется «*ноқтаулы қазан*» – букв. «котёл в недоуздке», «взнузданный котёл». «Взнузданный котёл» использовался во время бури, чтобы укрепить юрту за счет утяжеления *шаңырақа*.

Конструктивно купол *шаңырақа* не просто увенчивает остов юрты, он скрепляет его, также как камень свода в самой верхней точке каменного купола или арки, который вставляется последним, уравнивает давление с разных сторон, являясь «замком» свода. Так же и шанырақ удерживает вместе купольные шесты «*уық*» и всю конструкцию юрты. Чем тяжелее *шаңырақ*, тем лучше он удерживает вместе купольные шесты. Правильно собранную юрту 2–3 человека могут легко перенести с места на место. Но во время бури есть опасность, что она может опрокинуться, сдвинуться и т.д. Есть ряд приемов, позволяющих противостоять сильным порывам ветра: натягивание снаружи юрты веревок «*жел арқан*», привязанных к колышкам (наподобие распорок палатки), подпирание остова раздвоенным на конце шестом и т.д. Но первый приём – «*ноқтаулы қазан*»: котёл вкруговую обвязывают арканом, к этому аркану привязывают ещё четыре, свисающих от купола почти до земли, котёл подвешивают к шаныраку, наполняют его водой. Эта конструкция утяжеляет *шаңырақ*, она медленно раскачивается в такт порывам ветра. По мере того, как вода выплескивается из раскачивающегося казана, его доливают. Иногда вместо казана могут привязать что-то тяжёлое, например, большой валун [Қазақтың, 3, 364].

С практической точки зрения непонятно, почему к шаныраку подвешивают именно наполненный водой казан, а не сундук, например. К тому же этот прием нарушает табу на раскачивание казана. Как представляется, такой способ имел символический характер, сейчас уже забытый. Очевидно, он был связан с дуальностью двух полушар, находящихся друг над другом и образующих визуальный образ центральной оси юрты.

Символизм котла в ритуалах рождения и смерти

Один из широко известных обрядов, выполнявшихся у казахов во время родов, называется «*жарыс қазан*» (букв. «котёл состязания»). Когда у беременной наступают схватки, в казане начинают варить мясо зарезанного к родам барана и вяленое мясо. Женщина, занимающаяся готовкой, точит нож о кромку казана и приговаривает: «*Қара қазан бұрын пісе ме, қара қатын бұрын туа ма?*» – «Сварится

раньше пища в чёрном котле, или раньше родит чёрная женщина?» [Толеубаев, 1991, 213]. Считается, что выполнение обряда облегчает и ускоряет роды. На вопрос «почему роженица должна “соревноваться” с казаном?» информаторы ответить затрудняются.

Объяснить обряд бытовым значением казана невозможно. По нашему мнению, единственно возможная интерпретация связана с мифологическим символизмом: котёл является полым пространством, в котором нечто сырое, непригодное к употреблению, превращается в готовое, зрелое, и потому он – символ женского начала. «По очевидным причинам женщина переживает как сосуд *par excellence*. Женщина как тело-сосуд – это естественное выражение человеческого переживания женщины, носящей детей “внутри” себя и мужчины, входящего “в” неё во время полового акта» [Нойманн, 2012, 96]. Таким образом, казан символизирует Великую мать, которая рождает одновременно с реальной женщиной.

Казан во время родов использовался не только для «состязания с роженицей», иногда, во время трудных родов, роженицу сажали внутрь казана, по казану стучали (действия, табуированные в обычное время). Эти действия, как нам представляется, должны были активизировать женское начало на помощь роженице. Конечно, в этнографический период этот мифологический символизм не осознавался. Так же как не осознавался мифологический подтекст триады «мужчина – его жена – его котёл». По аналогии с представлениями о второй, «небесной», супруге шамана [Элиаде, 1998, 70] можно предположить существование в древности представления о котле как второй, мифологической, жене мужчины.

Один из ритуалов после родов – «казан ұшық»¹: сажу с боков котла наносят ниже пупка новорождённого и делают движение по часовой стрелке. Сажей с боков котла защищали детей и девушек и в других ситуациях. Моя бабушка А.Т. Бекбулатова (1914–1991) рассказывала, что в годы лихолетья гражданской войны ей и её младшей сестре мать мазала лицо сажей с казана, когда к их дому подъезжали белые, красные или просто бандиты. Такие истории приходилось слышать и от других старых женщин, детство и юность которых пришлось на тот период. Конечно, здесь преобладал прагматический смысл – сделать девочек непривлекательными для посторонних мужчин, но и элемент магии «казан ұшық», связанной с сакральностью котла и огня, как нам представляется, присутствовал.

Перевернутый казан, как уже отмечалось, символизирует поражение, бедствие, прервавшийся род. Но «в казахском фольклоре сохранился мотив “перевернутого котла”, суть которого состоит в том, что герой, когда наступает угроза, скрывается под котлом (подобный сюжет повторяется в эпосе “Ер Кенес” и в эпической сказке “Желькильдек”). В мангыстауской версии предания о Коркуте говорится, что Коркут скрывался от вечно преследующей его смерти под перевернутым котлом, но и здесь смерть настигла его, она пронзила котле в виде молнии-стрелы и убила Коркута» [Кондыбай, 2005, 162–163].

На Мангыстау до сих пор сохраняются напоминающие сказочный мотив былички о предке, который во время разгрома аула был спрятан матерью под казаном, остался незамеченным врагом, выжил и продолжил род, отомстил врагу. Некогда такие истории рассказывали и в других регионах Казахстана. Так символ поражения и утраты становится символом возрождения, когда под казаном спрятан ребенок. «Скрываться под котлом – это значит скрываться в некой сакральной пещере» [Кондыбай, 2005, 162–163]. Исследователь также сравнивает мотив укрытия под казаном с мотивом укрытия после сокрушительного поражения в священной пещере Отукен или горной долине Ергенекон. Пословица гласит: «Елу жылда ел жаңа, жүз жылда – казан» – «За пятьдесят лет обновляется народ, за сто – (обновляется) котёл (т.е. мир в целом)». Перевернутый котёл символизирует смерть, это негативная сторона архетипа матери, дающей жизнь и забирающей её. И вместе с тем перевернутый казан может символизировать возрождение через смерть.

Название «ноқтаулы казан» – «взвезданный котёл» – подразумевает сходство образа котла с образом головы (лошади). По нашему мнению, лингвистическая реконструкция позволяет говорить об антропо- или зооморфности казана, но ассоциируется он не столько с телом, сколько с головой. Ручки казана называются

«құлақ» (уши), пословица гласит: «Қазан қайнап тұрса, ақыл сайрап тұрады» – «Когда закипает казан, ум бурлит» [Кейкін, 2002, 224]. Большую голову называют «қазанбас» (голова-котёл), при этом большой живот могут сравнить с сундуком, но не с котлом (при том, что желудок по-казахски «асқазан» – «котёл для пищи»). Это несколько противоречит реконструируемому нами мифологическому символизму казана. Более того, функция казана как сосуда для приготовления пищи и его форма казана должны были бы привести к ассоциации котла с утробой вообще и материнским лоном в частности, а не с головой. Этот вопрос требует более тщательного изучения.

Заключение

Сакральность котла в культуре степных кочевников уходит корнями в глубокую древность и сохраняет в некоторой степени свою значимость в XXI веке не только в быту, но и в искусстве, политике, общественном сознании. В нашем исследовании о символизме котла в традиционной культуре казахов сделан акцент на связь котла и мужчины, котла и рождения, котла и смерти. Предпринята попытка интерпретировать эту связь на основе реконструкции мифологического образа казана. Поскольку котёл как сосуд для приготовления пищи является символом женского, материнского начала, то на символическом уровне он может выступать в качестве «супруги» мужчины и «матери» ребенка. Ритуал «состояния роженицы с котлом» и других манипуляции с котлом, как нам представляется, призваны были активизировать женское начало, олицетворяемое казаном, на помощь роженице. В этнографический период в обрядах, связанных с браком, мы вычленили триаду «мужчина – его жена – его котёл». По аналогии с представлениями о второй, «небесной», супруге шамана, можно предположить существование в древности представления о котле как второй, мифологической, жене мужчины. Перевернутый котёл символизирует смерть, это негативная сторона архетипа матери. Но вместе с тем он может символизировать возрождение через смерть.

Конечно, мифологический символизм котла как олицетворения женского начала давно забыт, но он продолжает актуализироваться в фольклоре и обрядовой практике казахов. В эту схему, однако, не укладывается наш вывод о том, что в языковых материалах котёл ассоциируется не столько с телом, сколько с головой.

Благодарность

Работа подготовлена в рамках научной программы «Традиционная обрядность как манифестация памяти культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии» (BR10164218).

Acknowledgement

The work was written as part of the scientific program “Traditional rituals as a manifestation of the memory of culture: resources and strategies for the symbolic meaning of the steppe Eurasia” (BR10164218).

Библиографический список

1. Геродот. История / Геродот. – Ленинград: Наука, 1972. – 600 с.
2. Дергачев, В. Казаны раздора [Электронный ресурс] / В. Дергачев. – Рател, 2016. – URL: https://ratel.kz/scandal/kazany_razdora_ (дата обращения 25.04.2022).
3. Зуев, Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии / Ю.А. Зуев. – Алматы: Дайк-пресс, 1998. – 338 с.
4. Кондыбай, С.А. Казахская мифология: Краткий словарь / С.А. Кондыбай. – Алматы: Нур алем, 2005. – 282 с.
5. Нойманн, Э. Великая Мать / Э. Нойманн; пер. с англ. – М.: Изд-во «КДУ», 2012. – 412 с.
6. Плетнева, С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1982. – 188 с.
7. Толлеубаев, А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов: (XIX – нач. XX в.) / А.Т. Толлеубаев. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 213 с.
8. Тридцать лет назад Тайказан вернули в Туркестан [Электронный ресурс] // Kazinform. – 2019. – URL: https://www.inform.kz/ru/30-let-nazad-taykazan-vernuli-v-turkestan_a3568088 (дата обращения 25.04.2022).

9. Элиаде, М. Шаманизм: архаические техники экстаза / М. Элиаде. – Киев: София, 1998. – 384 с.
10. Weatherford, J.M. *The Secret History of the Mongol Queens: How the Daughters of Genghis Khan Rescued His Empire* / J.M. Weatherford. – New York: Crown, 2010. – 336 p.
11. Ай, заман-ай, заман-ай... (Бес ғасыр жырлайды). – Алматы: Жазушы, 1987. – 880 с.
12. Кейкін, Ж. Қазақтың 7777 мақалы мен мәтелі / Ж Кейкін. – Алматы: Өлке, 2002. – 448 с.
13. Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия, 3 том. – Алматы: РПК «Слон», 2012. – 736 с.
14. Қазан. Онлайн сөздік [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/%D2%9B%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD/> (дата обращения 25.04.2022).

Текст поступил в редакцию 26.10.2022.

Принят к печати 09.01.2023.

Опубликован 29.06.2023.

---

¹ «Ұшық» – это способ традиционного целительства, чаще всего от сглаза, от злых сил и пр., природными силами. Обычно используются огонь и вода.

References

1. Herodotus. *Istoriya* [The History]. Leningrad: Nauka, 1972, 600 p. (In Russian).
2. Dergachev V. *Ratel-2016*. Available at: https://ratel.kz/scandal/kazany_razdora_ (accessed on April 25, 2022) (in Russian).
3. Zuev Ju.A. *Rannie tjurki: ocherki istorii i ideologii* [Early Turks: Essays on the history and ideology]. Almaty: Dajk-press, 1998, 338 p. (In Russian).
4. Kondybay S.A. *Kazahskaja mifologija: Kratkij slovar'* [Kazakh mythology: Brief dictionary]. Almaty: Nur alem, 2005, 272 ps. (In Russian).
5. Neumann E. *The Great Mother: An Analysis of the Archetype*, 1955 (Russ. ed.: Neumann E. *Velikaja Mat'*. Moscow: "KDU" Publ., 2012, 412 p.).
6. Pletneva S.A. *Kochevniki Srednevekov'ja. Poiski istoricheskikh zakonomernostej* [Medieval Nomads. Searching the Historical Consistency]. Moscow: Nauka, 1982, 188 p. (In Russian).
7. Toleubaev A.T. *Relikty doislamskih verovanij v semejnoj obrjadnosti kazahov: (XIX – nach. XX v.)* [The Relics of Pre-Islamic Beliefs and Domestic Rituals of Kazakhs (19th – early 20th centuries)]. Alma-Ata: Gylm, 1991, 213 p. (In Russian).
8. *Tridcat' let nazad Tajkazan vernuli v Turkestan* [Thirty Years Ago Tajkazan Was Returned to Turkestan]. Available at: https://www.inform.kz/ru/30-let-nazad-taykazan-vernuli-v-turkestan_a3568088 (accessed on April 25, 2022) (in Russian).
9. Eliade M. *Shamanizm: arhaicheskie tehniki jekstaza* [Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy]. Kiev: Sofiya, 1998, 384 p. (In Russian).
10. Weatherford J.M. *The Secret History of the Mongol Queens: How the Daughters of Genghis Khan Rescued His Empire*. New York: Crown, 2010, 336 p.
11. Ai, zaman-ai, zaman-ai... (Bes gasyr zhyrlajdy) [Ai, zaman-ai, zaman-ai... (Five centuries sing)]. Almaty: Zhazushy, 1987, 880 p. (In Kazakh).
12. Kejkin Zh. *Kazaktyn 7777 makaly men mateli* [7777 Kazakh Proverbs and Sayings]. Almaty: Olke, 2002, 448 p. (In Kazakh).
13. *Kazaktyn jetnografijalyk kategorijalar, ygymdar men ataularynyn dastyrlı zhyjesi. Jenciklopedija* [Traditional System of Kazakh Ethnographic Categories, Concepts and Names: Encyclopedia]. Almaty: RPK "Slon", 2012, vol. 3, 736 p. (In Kazakh).
14. *Kazan. Onlajn sozdik* [Cauldron. Online Dictionary]. Available at: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/%D2%9B%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD/> (accessed on April 25, 2022) (in Kazakh).

Submitted for publication: October 26, 2022.

Accepted for publication: January 09, 2023.

Published: June 29, 2023.